

ДОМ УЧЁНЫХ В ЖИЗНИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА г. ТОМСКА (1926–1941 гг.)

Статья выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности», № 14.В25.31.0009.

На основе архивных документов, периодической печати г. Томска, воспоминаний освещается история организации и деятельности Дома учёных (до 1934 г. клуб учёных) во второй половине 1920-х – начале 1940-х гг., анализируются научная, консультационная, научно-популяризаторская, культурно-просветительская формы его работы, а также организация досуга и отдыха научных работников города и их семей. Выясняются его место и роль в жизни научного сообщества.

Ключевые слова: Дом учёных; Томск; вузы; научное сообщество; культура.

Во второй половине 1920-х – начале 1940-х гг. особое место в культурной и научной жизни томского научного сообщества занимал Дом учёных, история которого пока не нашла освещения в научной литературе. Изучение истории его деятельности позволит определить особенности становления и развития научно-образовательного комплекса старейшего университетского центра Сибири в эпоху индустриализации, выявить предпосылки и условия, способствовавшие созданию единого томского научного сообщества во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Одной из характерных черт раннесоветской действительности, как в центре, так и на периферии, был приоритет общественного над частным, коллективного над индивидуальным. Эта тенденция наложила отпечаток и на взаимоотношения в кругу учёных страны на разных уровнях, от общесоюзного до регионального.

Одной из форм объединения учёных в рассматриваемый период была профсоюзная организация – секция научных работников (СНР) при Окружном союзе работников просвещения (Окрпрос). Временные и постоянно действующие комиссии СНР занимались решением проблем охраны труда, быта и отдыха учёных [1. Л. 30].

Важное место в структуре деятельности СНР занимала культурная работа с научными работниками (культкомиссия окрбюро СНР). Для лучшей её организации в 1926 г. членами СНР было инициировано создание клуба учёных г. Томска, или клуба научных работников (КНР). Именно так первоначально называлась организация, позднее получившая современное название – Томский Дом учёных (ТДУ).

В 1926 г. при окрбюро СНР была организована временная комиссия по организации клуба учёных. В её состав вошли председатель окрбюро СНР В.И. Шумилов, члены бюро И.А. Соколов, В.Т. Серебров, В.П. Макаров, а также В.С. Колосунин (преподаватель Сибирского технологического института – СТИ) и директор Центральной (Научной) библиотеки Томского государственного университета (ТГУ) В.Н. Наумова-Широких. 7 марта 1926 г. газета «Красное знамя» сообщила об открытии секцией научных работников клуба ученых. Его первое мероприятие,

вечер для ученых и их семей, состоялось 13 марта того же года. В его правление были избраны 14 человек: В.И. Шумилов, В.В. Ревердатто, И.А. Соколов, В.С. Колосунин, А.М. Халецкая, В.Н. Наумова-Широких, Л.И. Омороков, А.В. Лаврский, В.Д. Кузнецов, Н.Н. Бакай, А.А. Опокин, Н.А. Попов, С.А. Цветков и М.А. Слободской [1. Л. 31]. Для выполнения текущей работы правлением клуба был избран президиум в составе 5 человек [Там же. Л. 32].

Долгое время нерешенным оставался вопрос о предоставлении собственного здания в пользование КНР. В момент организации клуба в связи с отсутствием вблизи университетского комплекса пригодного дома культкомиссией окрбюро СНР было принято решение «организовать клуб в здании библиотеки университета». По договору, заключенному с ТГУ на 3 года, в распоряжение секции передавались две комнаты в здании Центральной библиотеки ТГУ. На ремонт и оборудование для помещений клуба СНР было выделено около 1 600 руб. При клубе имелись буфет и буфетная комиссия, читальный зал с достаточным количеством газет и журналов (советских и зарубежных), а также с передвижным фондом всех изданий, выходивших на русском языке и получаемых Центральной библиотекой ТГУ в качестве ознакомительного экземпляра [Там же].

Уже в первый год существования (с марта по сентябрь 1926 г.) клубом учёных было проведено 6 концертов и семейных вечеров, организованы вечера для делегатов 2-го Всесибирского съезда врачей. В отчетной документации СНР при Окрпросе конца 1926 г. отмечается, что «посещаемость клуба достаточная» [Там же].

Отметим, что опыт организации Дома (клуба) учёных был позаимствован томскими учеными у других научных центров страны.

Еще 31 января 1920 г. по инициативе Петроградской комиссии по улучшению быта учёных (ПетроКУБУ) под председательством А.М. Горького (в ее состав входили академики С.Ф. Ольденбург, А.Е. Ферсман, В.М. Шимкевич и др.) начал свою работу первый в России клуб научной интеллигенции.

На протяжении 1920-х гг. Дома учёных появились в ряде других городов СССР. В 1922 г. Дом учёных был открыт в Москве, у истоков его создания стояли

академики С.А. Чаплыгин, Е.А. Чудаков, М.В. Кирпичев, И.И. Бардин, В.Н. Образцов, Н.Д. Зелинский, Б.Д. Греков, И.И. Минц и др., в 1923 г. – первый на Украине Дом учёных в Одессе, в 1925 г. – Казанский Дом учёных, в 1927 г. – Киевский Дом учёных.

В 1922 г. с ликвидацией ПетроКУБУ была проведена реорганизация Дома учёных в Петрограде – его передали СНР Петроградского губернского отдела профсоюза работников просвещения. Тогда же была свернута научная и клубная жизнь Дома. Ситуация изменилась только в 1931 г., когда Комиссией по содействию учёным при СНК СССР было разработано «Положение о Домах учёных», и теперь уже Ленинградский Дом учёных был вновь передан научной интеллигенции города [2. С. 922–924].

Особенно пристальное внимание научно-исследовательской и просветительской деятельности уделялось руководством Московского дома учёных (МДУ), при котором активно создавались научные кружки и секции. Ведущее место в научной работе МДУ занимала индустриально-техническая секция, инициатива создания которой принадлежала уже упомянутому академику С.А. Чаплыгину и профессору И.С. Дюрбауму [3].

Таким образом, именно в 1920-е гг. были намечены механизмы создания Домов учёных, которые в том или ином видоизменении были апробированы в Москве, Одессе, Казани, Киеве и Томске: организация создавалась в рамках деятельности профсоюзных организаций работников просвещения.

Начало деятельности клуба учёных при СНР г. Томска, чей устав «был небольшим видоизменением устава клуба Московского Дома учёных» [1. Л. 32], было связано в основном с его культурно-развлекательной деятельностью и, прежде всего, организацией семейных вечеров для научных работников города. Этим, в частности, занялся кружок по устройству вечеров сатиры и юмора при клубе учёных Томска, получивший шуточное название «Кенгуру» [4. С. 72] и работавший приблизительно с осени 1926 г. [Там же. С. 66]. Его неформальным «директором» считался профессор-физик В.Д. Кузнецов.

В программу вечеров входили театрализованные представления, в сатирической, шаржированной форме обыгрывающих те или иные события, мероприятия из жизни вузов города, а также отдельных учёных. Члены семей научных работников привлекались к представлениям. Из их числа был создан балет «Кенгуру». Музыкальное сопровождение вечеров обеспечивал хор при кружке под руководством профессора Л.И. Оморокова. В роли конферансье, кроме В.Д. Кузнецова и Л.И. Оморокова, выступал и член правления КНР профессор СТИ И.А. Соколов. Завершались вечера обыкновенно пением гимна «Кенгуру» (тоже шуточного), сочинённого профессором ТГУ Н.А. Поповым [4. С. 66].

Всё в этих вечерах было пронизано иронией и юмором, что объяснялось естественным желанием учёных города организовывать свой досуг в соответствии с собственными представлениями. Однако смешовая и досуговая культура научного сообщества

г. Томска 1920-х гг. достаточно быстро вызвала недовольство партийных властей. Заинтересовалось этим и местное ОГПУ. Информатор Томского окротдела ОГПУ в своем сообщении, датированном 20 декабря 1926 г., дал резко негативную оценку деятельности кружка и его конкретным участникам, характеризуя «Кенгуру» как «организацию внутренней иммиграции профессоров», а слова и реплики его членов как «антисоветские». Если верить автору сообщения, то суровый по советским меркам вердикт о «внутренней иммиграции» принадлежал члену правления клуба учёных профессору ТГУ В.В. Ревердатто. Приводилась и предполагаемая расшифровка шуточного названия кружка – «Кружок эмоционально недовольных граждан, устраивающих разумные увеселения» [4. С. 65–69].

Спустя две недели, в первом номере газеты «Красное знамя» за 1927 г., вышла статья под названием «Смердящее, или О том, как выращивают кенгуру в Сибирских Афинах», где в изобличающей форме описывались эпизоды из жизни «Кенгуру», известные из вышеупомянутого донесения осведомителя ОГПУ. Автор прошёлся по высказанным на одном из вечеров предложениям создать при «Кенгуру» жен- и мужотделы, утвердить анкеты кружка, организовать курсы по ликвидации безграмотности и т.д. «Лучше выращивать то, что обладает слабым умом, что хорошо только подпрыгивает, – для этого и наших умственных способностей хватит» [5] – одна из кратких реплик, дававшая представление о едкой риторике анонимного автора, якобы переработавшего материал, доставленный в редакцию газеты отдельными членами СНР [6. Л. 83].

Откровенно оскорбительный тон статьи, конечно же, мог быть объяснен выбранным жанром – фельетоном. Однако это не оставило равнодушными учёных – членов кружка. 7 января члены окрбюро СНР и участники «Кенгуру», а также члены правления клуба устроили заседание СНР, посвященное фельетону «Смердящее» и деятельности кружка в целом. Сохранившаяся протокольная запись дает возможность реконструировать ход этого мероприятия.

В начале заседания по инициативе профессора А.В. Лаврского вопрос об авторстве был закрыт как «третестепенный». Член окрбюро СНР профессор В.И. Шумилов отметил, что и ранее «некоторые научные работники заявляли ему протест против уклона и односторонности “Кенгуру”» [6. Л. 83]. Вместе с тем основная критика и недовольство присутствовавших были направлены не на деятельность «Кенгуру», а в основном на то, что само обсуждение работы клубного кружка, учитывая также и то, что данный фельетон, по мнению некоторых участников заседания, бросал тень на всю профсоюзную организацию научных работников, а само обсуждение вышло за пределы секции научных работников на городской уровень. Звучали даже предложения об отставке правления клуба, организации третейского суда (И.А. Соколов, А.В. Лаврский), которые, впрочем, не были приняты.

Учёные решительно протестовали против клеветнического и оскорбительного тона фельетона, к тому же

задевавшего честь и достоинство членов семей научных работников, «всех, кто посещал вечера» [6. Л. 84].

Особенно критическим было выступление профессора В.Д. Кузнецова, который несмотря на внешнее спокойствие (свое выступление начал фразой «К статье отнесся равнодушно») высказал крайнее недовольство самим появлением подобной публикации в «Красном знамени». «Эта статья, – подчеркнул он, – пятно для Томска, который после нее не больше как глухая провинция, это пятно для местных руководителей общественности. В центре лелеют, заботятся об учёных как о передовой силе, несущей культуру в СССР. В статье “Смердящие” выразился взгляд на научных работников местных руководителей общественности. Можно было молчать, если бы статья была помещена в бульварной газете, но это официальный орган. Поэтому мы пассивны оставаться не можем... Я с презрением отнесусь к автору. В фельетоне говорится, что у меня малые способности, но я же имею научные труды, которые отмечаются премиями. Пускай это будет рецензия, но в ней больше злостной клеветы и сведений, не соответствующих действительности» [6. Л. 83 об.].

Данный случай представляет интерес с точки зрения изучения процесса формирования социального статуса ученого в советское время и взаимоотношений научной интеллигенции и власти.

Как нельзя лучше суть данного конфликта проявилась в словах В.Д. Кузнецова, сказанных на заседании СНР: «Томск без вузов захолустье. Здесь не дозрели до того, чтобы ценить нас. Одних, более удобных, презирают, других, менее податливых, едва ли терпят. Не гордятся нами. Мы слишком потеряли свои личности, слишком подавлены, здесь мы больше прислушиваемся к ним, а в центре наоборот: власть прислушивается». Ссылка на опыт научных сообществ городов европейской части СССР выглядит в данном ключе весьма примечательной. В.Д. Кузнецов, как уже было сказано, в начале 1927 г. недавно вернувшийся из Москвы и Ленинграда, отмечает: «В государственном театре сатиры [Москва] свободно критикуются недостатки; в санатории в Гаспре [Крым] устраивались подобные вечера, за что он получил одобрение. В наших семейных вечерах ничего своеобразного нет, наоборот “Кенгуру” оживляет работу и вносит определенный дух» [Там же].

Приблизительно ту же линию, но в более бескомпромиссной форме, профессор В.Д. Кузнецов избрал, когда взялся за составление открытого письма редактору газеты «Красное знамя» по поводу фельетона «Смердящее». В нем он обобщил общие настроения научных работников города, которые высказывались, в том числе, и на заседании СНР, состоявшемся 7 января 1927 г. Он отказался рассматривать статью как фельетон и обратил внимание на то, что семейные вечера по типу кабаре были выдуманы отнюдь не членами «Кенгуру», а были к тому времени востребованы учеными других городов. В.Д. Кузнецов, кроме Ленинграда и Москвы, назвал Воронеж и Гаспре. Данную публикацию он счел оскорблением всему городу, который «является культурным центром, но

все же – глухой провинцией» [4. С. 72]. Что касается вопроса о «внутренней эмиграции», то поучительным для редакции газеты опытом, по мнению В.Д. Кузнецова, должен был быть период 1920–1921 гг., когда из-за нападков в прессе и со стороны партии «Томск потерял несколько десятков научных работников, главным образом профессоров» [Там же. С. 73].

Письмо на имя редактора «Красного знамени», датированное 12 января 1927 г., В.Д. Кузнецов завершает следующими словами: «Прошу вас напечатать это письмо полностью. Никакие сокращения и изменения для меня неприемлемы. Считаю необходимым Вас предупредить, что ни в какие дискуссии по поводу моего письма я вступать не намерен» [Там же. С. 74]. Редакция «Красного знамени», вопреки настойчивой просьбе томского ученого, открытое письмо так и не опубликовала.

По итогам заседания ученые единодушно постановили «признать, что настоящая статья оскорбляет научных работников». Ответом на уничижительную критику стало решение о написании «деловой статьи» о работе культкомиссии окрбюро СНР и клуба учёных, а работу последнего решили рассмотреть отдельно [6. Л. 84 об.]. Несмотря на то что сохранение кружка «Кенгуру» участники заседания посчитали желательным, есть основания полагать, что в его работу с учетом высказанной критики были внесены коррективы.

Таким образом, на примере с кружком «Кенгуру» можно убедиться в том, что ученые стремились не только отстоять свое личное достоинство, но и пытались внушить властям, что именно вузы и научная интеллигенция во многом определяют облик Томска как научно-образовательного центра, получившего еще в конце XIX в. название «Сибирские Афины».

С 1927 г. клуб учёных и культкомиссия СНР установили традицию каждый понедельник в 20 ч. 30 мин в помещении клуба проводить чтения докладов для научных работников и их семей. По рекомендации членов СНР на них могли присутствовать и посторонние лица [7]. Учитывая ограниченность имеющихся в распоряжении клуба площадей, для проведения докладов и лекций нередко использовались и помещения других организаций.

По инициативе КНР стали делаться доклады научных работников для членов профсоюза и рабочих организаций: в ленинском кабинете ТГУ, на заводах города, в клубе рабпроса, в красном уголке Сибкрайторга, в воскресном университете г. Тайги [8], рабочих университетах Томска и Тайги, в обществе практических врачей [9], в клубе им. В.П. Милютина для общества слепых при окрсобесе, в клубе «Красный строитель» [10] и т.д. Еще в конце 1920-х гг. КНР начал проводить радиолекции [11].

Правление клуба в просветительских целях организовывало для всех желающих бесплатное посещение музеев ТГУ (этнолого-археологического, зоологического, анатомического, палеонтологического, патологоанатомического) с лекциями-беседами [12].

Стоит отметить и широкий тематический спектр лекций и докладов: от научно-популярных (лекции об

эволюции клетки профессора Мясоедова, о гипнозе профессора К.Н. Завадовского и т.д.) до лекций, посвященных вопросам искусства («Гармонический анализ марша из “Трёх апельсинов” С. Прокофьева» профессора Н.И. Костоковой, «Импрессионизм в живописи» В.М. Мизерова, «Некоторые недоумения в области музыкальной педагогики» профессора Н.А. Александрова, «Принципы устройства терменвокса: музыкальный радиоинструмент» профессора И.А. Соколова и т.д.).

Лекции для профсоюзных и рабочих организаций посвящались хозяйственным и производственным, общенаучным вопросам (например, происхождение и эволюция человека, Великая французская революция, философия Канта, диалектический материализм), а также актуальным антирелигиозным и политическим темам (антирелигиозная работа научных работников, капитализм и мировая революция).

В клубе учёных выступали и приезжие. Так, 9 мая 1928 г. доклад на тему «Современный Афганистан» сделал член московской СНР, профессор К.И. Соколов-Страхов [13]. Докладчик поделился со слушателями личными впечатлениями. В 1926–1927 гг. он являлся военным атташе при полномочном представительстве СССР в Афганистане.

Для презентации докладов использовались технические средства, такие как показ диапозитивов через проекционный аппарат. Лекции на музыкальные темы нередко сопровождалось исполнением музыкальных композиций на терменвоксе (Ф.Н. Копылов), фортепиано (профессор ГТИ Л.Б. Степанов) и др.

Таким образом, клубом научных работников и СНР реализовывалась социально-просветительская функция, что позволяло, во-первых, обеспечивать обмен знаниями и опытом внутри самого научного сообщества города, между учеными разных специальностей, а во-вторых, проводить мероприятия по ликбезу (столь знакового для 1920-х гг. в СССР) среди городского населения, членов рабочих и профсоюзных организаций.

Своё значение сохраняла досугово-развлекательная составляющая, связанная с организацией отдыха для научных работников города.

При КНР продолжали организовываться вечера самодеятельности, посвященные революционным праздникам, а также литературно-художественные вечера для научных работников и их семей. В программу семейных вечеров входили киносеансы, выступления мужского дубль-квартета при КНР, концерты музыкальных коллективов.

В распоряжении КНР имелась летняя усадьба, где в период отпусков для учёных и их семей устраивались спортивные игры (теннис, стрельба, волейбол) [14].

Помещение клуба учёных, конечно, использовалось и для организационных целей: выборы правления клуба, собрания для организации жилищного союза, общие собрания членов СНР.

Процесс идеологического воспитания также входил в сферу полномочий КНР. При клубе функционировал марксистский кружок научных работников, в рамках которого регулярно читались тематические доклады.

Однако отсутствие обширного здания в пользовании клуба научных работников значительно затрудняло деятельность членов КНР и снижало общий потенциал данной организации как центра притяжения для научного сообщества города.

С момента образования КНР и до 1932 г. со стороны членов СНР неоднократно делались попытки добиться у властных органов выделения собственного здания под Дом учёных. 8 сентября 1927 г. на заседании окрбюро СНР была создана комиссия в составе профессоров В.Д. Кузнецова и Шумилова для «принятия всевозможных мер к организации “Дома учёных”». Для этого решено было просить у окрисполкома дом Тихонова по Тимирязевскому проспекту или бывший дом Богашева на улице Белинского [6. Л. 17]. 16 сентября того же года в кратком очерке в газете «Красное знамя», посвященном мероприятиям в честь 10-й годовщины Великой Октябрьской революции, отмечалось: «Имеющийся сейчас небольшой клуб (всего 2 комнаты) не дает возможности развернуть работу. Научные работники хотят открыть обширный Дом учёных, в котором они смогли бы вернуть большую культурную работу» [15]. Эти планы так и не были реализованы, а разговор о предоставлении здания возобновился спустя полтора года, в январе 1929 г., когда было заявлено о решении выделить для организации Дома учёных бывший дом профессора Н.Н. Топоркова по Тимирязевскому проспекту. В доме хотели организовать зал для заседаний, библиотеку, клуб, читальню, а также, наряду с Домом учёных, разместить Общество сибирских инженеров [16]. Данная инициатива вновь не увенчалась успехом.

В декабре 1932 г. Томский горсовет переехал на Ленинский проспект, 40, оставив здание по адресу ул. Советская, д. 1 (после объединения ул. Советской с ул. Спасской адрес здания был изменен на ул. Советская, 45, который оно носит и по сей день) [17]. Это здание представляет собой бывшую резиденцию Томского губернатора, построенную в 1891 г. по проекту архитекторов В.В. Хабарова и П.П. Нарановича в стиле позднего ренессанса. В 1917 г. жители города именовали его Домом свободы. После окончания Гражданской войны в нем размещались президиум Томского губисполкома, окружной исполнительный комитет, а также горсовет. С началом 1933 г. здание бывшего горсовета было передано клубу учёных [18] (это название он сохранял в печати в 1933 г.). Но уже в следующем 1934 г. клуб получает свое современное название – Томский Дом учёных.

Строго говоря, именно с 1933 г. следует начинать историю ТДУ. Однако нельзя не учитывать то, что по функциям, роду деятельности, формам управления, охвату научных сил города клуб учёных в 1926–1932 гг. являлся полноценным Домом учёных как стандартизированной формы организации научного сообщества и аналогичным Домам в Москве, Ленинграде, Казани и др. Как уже было сказано, свой устав Клуб учёных заимствовал у МДУ. Разумнее считать, что период с 1926 по 1932 г. был ранним этапом развития ТДУ. С 1933 г., с приобретением собственного здания, ученым города удалось реализовать давние

планы и, наконец, расширить сферу деятельности, и в полной мере выполнять функции стандартного общесоветского «Положения о Домах учёных» 1931 г.

Согласно этому положению Дом учёных являлся «учреждением, централизующим культурно-политическую и научную работу среди научных работников и их семей» [19. Л. 47]. Причем смысловую нагрузку в равной степени несли обе части определения, как культурная, так и политическая. Дом учёных обязан был заниматься «коммунистическим воспитанием научных работников, повышением уровня марксистско-ленинского образования». Важным направлением являлась «пропаганда лучших образцов педагогической, исследовательской и общественной работы вузов», организация «деловой связи с промышленностью, транспортом, РККА, с[ельским] х[оз]зяйством», школами для популяризации научных знаний в массах и конкретной помощи производствам», поддержание «культурной работы по вузам», «обслуживание культурными мероприятиями научных работников и их семей» [Там же. Л. 49].

Вполне очевидна и идеологическая составляющая Дома учёных, на которую в первую очередь обращали внимание партийные структуры при оценке его работы.

4 октября 1934 г. в Доме учёных состоялось первое занятие на курсах марксизма-ленинизма [20] (которые, видимо, были преемственны по отношению к марксистскому кружку КНР). В 1935–1936 гг. курсы посещали научные работники почти всех вузов (151 чел.) и втузов (120 чел.) города. Учебный план, за основу которого были взяты программы социально-экономических вузов, включал в себя такие дисциплины, как диалектический и исторический материализм, диалектика природы, политэкономия. Однако по результатам обследования курсов марксизма-ленинизма при ТДУ Томским горкомом ВКП(б) было признано, что первый учебный год фактически был сорван. Сказалось отсутствие методического совета при курсах, бессистемность в содержании программ, неудовлетворительная работа преподавательского состава и др. [21. Л. 7–8]. В январе 1933 г. в здании клуба учёных была вместо читальни открыта библиотека, занимавшаяся выдачей и обменом книг [22].

В апреле 1935 г. Крайисполком и Томский горсовет выделили 40 тыс. руб. на ремонт и переоборудование ТДУ. В оранжерее Ботанического сада ТГУ была приобретена коллекция цветов для украшения интерьеров, с Сибирским физико-техническим институтом был заключен договор на радиофикацию Дома учёных, установление мощной радиолы в центральном зале для обслуживания репродукторов в других кабинетах [23]. В Доме учёных имелся буфет, а в одном из залов позднее была оборудована бильярдная, которые пользовались большой популярностью среди учёных.

Дочь профессора В.М. Кудрявцевой, доцент физического факультета ТГУ Н.В. Кудрявцева, вспоминала о Доме учёных тех лет: «Центром неформальных контактов томской ученой братии, преимущественно мужского пола, был Дом учёных. Притягивала бильярдная и буфетное пиво. Как-то вечером, возвраща-

ясь уже по темноте из Дома учёных вдоль Герцена, [П.С.] Тартаковский и [М.И.] Усанович отвлеклись от научной беседы, узрев важно выхаживающих перед ними двух котов – большого серого и черного поменьше. Поехидничали насчет возможной учености своих спутников. Пофантазировали – не на чердаке ли Дома учёных имеют места котинные сборища. Дошагали до Черепичной [ныне ул. Кузнецова]. Коты повернули направо, профессора за ними. “Да это же наш Чортик и большевик Иван Иванович!” Вот так номер! Выходит и впрямь коты повадились вслед за хозяевами в Дом учёных! А вот мамину новую шубу увели из Дома учёных, надо полагать, не коты» [24. С. 124].

Эти воспоминания отчасти указывают на царившую временами атмосферу в Доме учёных. Знаменитые бильярдная и буфет ТДУ неоднократно будут упоминаться в отчетах и статьях как образ отхода членов и правления организации от изначальных идеалов.

Со второй половины 1930-х гг. Дом учёных стал крупнейшим в Томске центром притяжения научных работников и членов их семей.

Ранее, в номере за 12 января 1935 г., в «Красном знамени» был опубликован подробный очерк под названием «Так живет и работает Дом учёных», в котором журналист Я. Егерман описал работу основных кружков при ТДУ. Говоря об учёных, членах физкультурного кружка, организованного профессором В.Ф. Галаховым, он пишет: «С той же методической тщательностью, с какой они читают свои лекции студентам, с тем же настойчивым упорством, с каким они экспериментируют в своих научных лабораториях, пионеры физкультдвижения среди учёных прыгают, бегают, сдают нормы на значки ГТО» [25]. Среди его активных членов были В.Д. Кузнецов, занявший первое место в беге на тысячу метров, член-корреспондент АН СССР, профессор-геолог М.А. Усов.

Театральными постановками (спектакли, сценические миниатюры) при Доме учёных занимались члены драматического кружка. Музыкальный кружок под руководством доцента А.М. Хлопкова не только организовывал лекции уже упомянутого профессора И.И. Котюкова на музыкальные тематики, но и участвовали в оперных постановках при Доме учёных («Русалка» А.С. Даргомыжского, «Евгений Онегин» П.И. Чайковского, «Борис Годунов» М.П. Мусоргского), давал концерты в Доме Красной армии, в клубе им. И.В. Сталина, на ст. Томск-2 для рабочей общестественности, обеспечивал музыкальное сопровождение различных мероприятий.

При Доме учёных проводились так называемые политвечера, посвященные историческим лицам и событиям: памяти В.И. Ленина, Парижской коммуне, Дню Красной армии, годовщинам Великой Октябрьской социалистической революции и др. [Там же]. Одним из важных направлений в деятельности ТДУ стало и участие в политических кампаниях [26. Л. 1].

Крупные ученые города продолжали выступать с публичными лекциями в переполненных аудиториях. Для того чтобы послушать выступления профессоров М.А. Усова («О внутреннем движении земли») и

С.В. Мясоедова («О проблеме смерти и бессмертия в биологии») люди стояли в фойе, коридорах и даже улице перед Домом учёных. С публичными лекциями также выступали профессора А.Г. Савиных, В.Д. Кузнецов, Г.В. Трапезников, П.С. Таратаковский, В.Н. Кессених и др. Расширилась практика чтения лекций для организаций города (фабрики, заводы, части Красной армии), выпускались радиолекции [25].

Усилились связи ТДУ с промышленностью и сельским хозяйством края. Всего за 1934 г. в разные районы Кузбасса были высланы 8 бригад от ТДУ, выпущено 12 популярных брошюр, связанных с посевной кампанией [25].

Так, в ноябре 1935 г. научные работники Томска отправились в г. Кемерово для того, чтобы принять участие в торжествах, посвященных 18-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, а также с целью укрепления «тесной связи для успешного проведения колоссальной стройки в Кемерово». Делегация Томского Дома учёных в составе 18 научных сотрудников ТИИ (И.Ф. Пономарев – руководитель, И.В. Геблер, Г.В. Хонин, А.Н. Добровидов и др.) посетила коксовый завод, Азотстрой, углеперегонный завод, Кемеровскую ГРЭС. 7 ноября в Деловом клубе член делегации И.А. Соколов прочел лекцию на тему «В недрах атома», которая вызвала большой интерес у инженерно-технического персонала Кемеровских заводов. По результатам поездки было принято решение составить план «поездок в Кемерово научных работников для прочтения там отдельных лекций и даже курсов» [27].

Установление связей с промышленными предприятиями г. Кемерово значительно расширило сферу деятельности ТДУ, который, объединяя усилия крупнейшего научно-исследовательского комплекса Сибири, способствовал решению важнейшей государственной задачи индустриализации – проблемы «Урал – Кузбасс» и созданию мощной сырьевой базы на востоке СССР.

В том же месяце в ходе расширенного заседания, посвященного очередной годовщине революции, правление Дома учёных приняло решение шефствовать над Красной армией и с этой целью «проводить в частях Красной армии научные лекции для поднятия общего культурного уровня бойцов», «специальные лекции для отдельных частей, экскурсии с показом лабораторий», «заняться проработкой ряда научно-исследовательских вопросов по заданиям Красной Армии». В тот же день при ТДУ был создан сектор обороны, в состав которого включили начальника и комиссара дивизии [28].

При Томском Доме учёных по-прежнему устраивались семейные вечера, давались концерты. На время отпусков правление приобретало путевки для научных работников. Так, в 1936 г. для отдыха на центральных и сибирских курортах ученым Томска было предоставлено 20 путевок. Это позволило старейшему томскому профессору, заслуженному деятелю науки и техники РСФСР Н.И. Карташову, перенесшего тяжелую болезнь, отправиться в Государственный институт физических методов лечения

им. Сеченова в г. Севастополе, а после этого и за границу. Благодаря ТДУ отдых в разных районах СССР в тот год был обеспечен для профессоров Ф.Э. Молина, М.К. Коровина, М.А. Усова, А.П. Азбукина и др. [29].

Однако с 1937 г. работа ТДУ снова стала подвергаться критике в местной прессе. На этот раз акцент делался на дисбалансе в соотношении досуговой и профессиональной форм деятельности клуба.

11 мая 1937 г. в «Красном знамени» была перепечатана из «Советской Сибири» статья А. Петрова «Порочный стиль Томского горкома». Критикуя последний, автор писал: «В Томске есть Дом учёных. В протоколах партийных организаций можно найти много хороших постановлений о необходимости улучшения работы этого учреждения. А воз, как говорят, и ныне там. Беда заключается в том, что сами руководители Дома учёных не знают, чем следует заниматься, как поставить работу. Многие ученые доказывают, что Дом учёных, главным образом, должен организовывать досуг научного работника... В томском горкоме знают, что среди некоторой группы молодых учёных имеются факты бытовой распушенности» [30].

Реплика журналиста получила свое развернутое продолжение в сентябре того же года, когда на страницах газеты «Красное знамя» появилась статья Ю. Лагина, посвященная Дому учёных. «Зайдите в Дом учёных вечером. Зеленой скукой веет от этого учреждения» – такими словами автор описывает свои впечатления о «вечернем Доме учёных», а само состояние клуба (в употреблении временами все еще встречалось старое название организации) называет «безобразным» [31].

Но гораздо более угрожающими оказались обвинения в адрес директоров ТДУ, бывшего и действующего, соответственно Н.Д. Чеснокова и В.С. Колосунина, а также заведующего «финансовым хозяйством» организации научного работника ТМИ Сереброва. Их он обвинял в неправомерных тратах, «развале работы самостоятельных кружков», пренебрежении должностными полномочиями. «Дом учёных, – резюмирует автор, – не оправдывает своего высокого назначения» [Там же].

Спустя месяц критику в газете продолжил С. Ходор: «Статья о Доме учёных, опубликованная в газете “Красное знамя”, громко прозвучала в это затхлой атмосфере. Правление засуетилось, люди начали поговаривать о перестройке работы, сделали робкую попытку провести собрание научных работников. Но должно было явиться более 400 человек, а пришло только 60. Положение не изменилось» [32].

Далее журналист нарисовал довольно мрачную картину, наблюдаемую им во время посещения Дома учёных: это шелкающие в «пустоте и полумраке» бильярдные шары, несколько человек, «поочередно склоняющихся» над столом, обтянутым зеленым сукном, заведующая библиотеки, одиноко перебирающая книги в «темном и пустом» помещении, «грязь, беспорядок», а также вечера, «сопровождающиеся дебоширством, руганью, пьянством» [Там же].

Статьи с подобными нападками на работу появились в газете в 1938 г. [33], 1939 г. [34] и в 1940 г. (на этот раз по поводу столовой Дома учёных) [35].

Сегодня трудно судить о том, насколько объективны выдвинутые в прессе претензии, однако стоит отметить, что и в официальных документах имели место критические оценки деятельности Дома учёных.

Так, в отчете комиссии, организованной отделом агитации и пропаганды Томского горкома ВКП (б) для проверки работы Дома учёных в 1940 г., которую возглавил профессор Томского медицинского института К.Н. Черепнин, отмечалось: «Несмотря на проделанную работу, нужно сказать, что работа Дома учёных, в общем, не отвечает поставленным перед ним задачам. Дом учёных не привлек к работе массы научных работников, многие кружки, имеющие политическое значение, военно-оборонное, физкультурное, лекционное, – не работали. Дом учёных мало откликается на общественно-политические кампании. Отмечается слабое культурное обслуживание научных работников» [Там же].

Причины этого комиссия усмотрела в «слабой и неустойчивой материальной базе Дома учёных», в «отсутствии ответственности некоторых членов» организации, а также в «пренебрежительном отношении городских организаций к Дому учёных», «отсутствии систематической поддержки среди руководства вузов» [Там же. Л. 6 об.].

С целью устранения недостатков в работе ТДУ предлагалось пополнить руководство Дома учёных активными членами, урегулировать бюджет организации, улучшить работу столовой и буфета, закрепить киноаппарат за Домом учёных [Там же. Л. 6 об. – 7 об.].

В целом необходимо отметить, что, несмотря на критику и выявленные недостатки в работе, к концу 1930-х гг. Томский Дом учёных оставался единственной в Сибири организацией подобного рода с более чем десятилетним опытом организационной, просветительской, культурно-массовой и научной деятельности, с уже сложившимися традициями. К тому времени в его составе было 432 научно-педагогических работников из всех вузов г. Томска. Правление ТДУ, состоявшее из 13 человек (в 1940 г. его возглавлял А.Д. Белоусов), занималось организацией научных конференций, посвященных М.В. Ломоносову, Ч. Дарвину, а также конференции по изучению производительных сил Сибири, городского собрания научных работников в 1939 г. и др. Дому учёных принадлежала инициатива учреждения в Томске вечернего университета марксизма-ленинизма [Там же. Л. 6]. Обширная культурно-массовая работа с научными работниками и населением в целом велась 6 секторами правления ТДУ: политмассовым, военно-оборонным, физкультурным, лекционным, художественной самодеятельности и детским [Там же. Л. 1 об.].

Члены ТДУ живо откликались на все события, происходившие в стране и городе, триумфального и трагического характера, в определенные моменты объединяя научное сообщество города, как это произошло, например, в июле 1939 г., когда в Доме учёных состоялось траурное собрание, связанное с преждевременной кончиной его активного деятеля, томского ученого, академика М.А. Усова [36].

В 1940 г. при Доме учёных продолжалась осуществляться организационная работа по помощи Куз-

бассу, начатая еще в середине 1930-х гг. Она связана была с консультированием, экспертизами, сбором, исследовательских материалов, выездом межвузовских бригад на предприятия, проведением совещаний и конференций [26. Л. 2]. Для помощи промышленным и хозяйственным организациям Сибири в первой половине марта 1940 г. городским бюро секции научных работников (после ликвидации СНР оно вошло в состав ТДУ) Дома учёных было решено создать консультационное бюро, в задачу которого входила «дача бесплатных устных и письменных консультаций по разным отраслям народного хозяйства и по отдельным теоретическим вопросам» для предприятий, колхозов, промартелей, стахановцев, краеведов Новосибирской области (куда входил тогда и Томск) и Алтайского края. При консультационном бюро были организованы горно-геологическая, биологическая и сельского хозяйства, энергетическая, химико-технологическая, физико-техническая и механическая секции. В нее вошли крупнейшие представители научного сообщества г. Томска, представители всех вузов города [37]. Руководил бюро доцент ТИИ А.И. Белецкий [38].

В течение первого месяца работы в бюро поступило 35 запросов из Томска, Сталинска, Кемерово, Анжерки, Новосибирска, обращения дипломников томских вузов «с целью наиболее углубленной проработки своих дипломных проектов». Профессор ТГУ И.К. Баженов в связи с этим писал: «Поступившие запросы, их содержание, актуальность подчеркивают настоятельную необходимость более широкого развертывания работы консультационного бюро» [Там же].

Кратко остановимся на вопросе финансирования работы Дома учёных. Его доходная часть складывалась из отчислений месткомов вузов и обкомов союза, за счет членских взносов и выручки от собственной деятельности (буфет, столовая, бильярдная) [9; 26. Л. 2 об.]. В распоряжении Дома учёных имелось несколько деревянных жилых домов. Однако вузы не всегда добросовестно относились к финансовым обязательствам перед Домом учёных. Например, за 1940 г. бюджет Дома учёных по плану должен был составлять 75 300 руб. и складываться из отчислений вузов города. Однако фактически от вузов в тот год поступило всего 26 800 руб. Нерегулярно производились и членские взносы – в 1940 г. из 96 новых членов взносы внесли только 62 человека. При этом значительный доход приносила бильярдная, выручка от которой в 1940 г. составила 6 885 руб. [26. Л. 8–9].

С началом Великой Отечественной войны деятельность Томского Дома учёных фактически была свернута и возродилась лишь в 1944 г. Однако опыт научного сообщества г. Томска в 1920–1930-е гг., проявившийся в создании и деятельности Дома учёных, консультационного бюро при нём, оказался бесценным в период войны, когда по инициативе учёных был организован Томский комитет учёных. Последний объединил на основе общенациональной патриотической идеи учёных города в единое научное сообщество и на протяжении 1941–1945 гг., по сути, координировал деятельность учёных всех томских и эвакуированных вузов.

Таким образом, история Томского Дома учёных в 1926–1941 гг. представляет собой опыт, прежде всего, культурной и гражданской самоорганизации научного сообщества. Его широкая сфера деятельности (просветительская, развлекательная, политическая) охватывала все вузы города, а чрезмерная самостоятель-

ность временами провоцировала оппозицию городских и партийных органов. Если в годы нэпа клуб учёных СНР был по большей части чисто культурным явлением города, то в эпоху индустриализации Дом учёных г. Томска стал базой для поддержки развивающейся промышленности всего региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-405. Оп. 1. Д. 50.
2. Первый в России Дом учёных / А.Д. Наздрачев, В.А. Петрицкий // Вестник Российской академии наук. 1995. Т. 65, № 10. С. 922–930.
3. Историческая справка // Российская академия наук. Центральный Дом учёных. URL: http://www.cdu-art.ru/dom_ist.shtml (дата обращения: 2.04.2016).
4. Из истории земли Томской: Народ и власть. 1925–1929 / В.И. Марков, Б.П. Тренин. Томск, 2000. 384 с.
5. Красное знамя. Орган Томского горкома ВКП (б) и городского Совета депутатов трудящихся. Томск. 1927. 1 янв.
6. ГАТО. Ф. 405. Оп. 1. Д. 435.
7. Красное знамя. 1927. 1 марта.
8. Красное знамя. 1929. 24 февр.
9. Красное знамя. 1929. 11 марта.
10. Красное знамя. 1929. 24 марта.
11. Красное знамя. 1929. 31 марта.
12. Красное знамя. 1929. 1 мая.
13. Красное знамя. 1928. 8 мая.
14. Красное знамя. 1929. 14 июля.
15. Красное знамя. 1927. 16 сент.
16. Красное знамя. 1929. 9 янв.
17. Красное знамя. 1931. 15 дек.
18. Красное знамя. 1933. 5 янв.
19. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 80. Оп. 1. Д. 936.
20. Красное знамя. 1934. 3 окт.
21. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 607.
22. Красное знамя. 1933. 9 янв.
23. Красное знамя. 1935. 9 апр.
24. Физики о физике и физиках : сб. ст. / под ред. И.Н. Анохиной. Томск : Изд-во НТЛ, 1998. 220 с.
25. Красное знамя. 1935. 12 янв.
26. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 982.
27. Красное знамя. 1935. 21 нояб.
28. Красное знамя. 1935. 16 нояб.
29. Красное знамя. 1936. 8 июля.
30. Красное знамя. 1937. 11 мая.
31. Красное знамя. 1937. 30 сент.
32. Красное знамя. 1937. 18 окт.
33. Красное знамя. 1938. 18 дек.
34. Красное знамя. 1939. 11 июля.
35. Красное знамя. 1940. 28 дек.
36. Красное знамя. 1939. 28 июля.
37. Красное знамя. 1940. 14 марта.
38. Красное знамя. 1940. 24 апр.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 апреля 2016 г.

THE HOUSE OF SCIENTISTS IN THE LIFE OF THE ACADEMIC COMMUNITY OF TOMSK (1926–1941)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 153–161.

DOI: 10.17223/15617793/408/23

Fominykh Sergey F. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru

Stepnov Aleksey O. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

Litvinov Alexander V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: litvinov1977@tambo.ru

Keywords: House of scientists; Tomsk; universities; scientific society; culture.

On the basis of archival documents, periodicals and memories the history of the Tomsk Scientist Club (The House of Scientists since 1934) in the second half of the 1920s – the beginning of the 1940s is described, its scientific, consulting and popularization functions, cultural and educational forms of activity, as well as leisure and entertainment of scientific workers are analyzed. The circumstances of the organization of the Scientist Club under the Section of Scientific Workers of the District Union of Educators are considered. It is noted that the Tomsk Scientist Club was one of the first in the country, along with such kind of institutions of scientific intellectuals in St. Petersburg (Leningrad), Moscow, Kazan and other Russian scientific centers. At first, its activities were mainly cultural and entertaining in the form of family relaxing evenings with satirical interludes (“Kangaroo”), prompting criticism from the local authorities and accusation in political apathy and “inner emigration”. At the same time scientific popularization work in the form of organization of lectures and presentations was conducted. In early 1933, the Club had its own building (Tomsk Governor’s house before 1917), formerly occupied by the City Council, and it received its present name – the House of Scientists. All this helped to strengthen its financial base and expand areas of activities. The House of Scientists was headed by a board elected at the meetings of members, whose number exceeded 400 people. The House of Scientists had 7 sections and several clubs, including children ones. Along with the organization of public lectures, film shows, radio lectures, concerts, literary evenings, the Tomsk House of Scientists

established business contacts with the industrial enterprises of the West Siberian region, primarily Kuzbass, in 1935. In 1940, a consulting bureau which was engaged in oral and written consulting of industrial enterprises of the region, as well as of graduate students and researchers was organized at the House of Scientists. The budget of the House of Scientists consisted of funds for its maintenance allocated by universities, trade unions and also of membership fees and its own income. However, the work of the House of Scientists was often criticized by the municipal party bodies and the media. The conclusion is that the House of Scientists played an important role in the life of the academic community of Tomsk. The article stresses that the experience of the consulting bureau at the House of Scientists was used in the organization of the Tomsk Committee at the beginning of the Great Patriotic War of 1941–1945.

REFERENCES

1. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-405. List 1. File 50. (In Russian).
2. Nazdrachev, A.D. & Petritskiy, V.A. (1995) Pervyy v Rossii Dom uchenykh [Russia's first House of Scientists]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 65:10. pp. 922–930.
3. Russian Academy of Sciences. Central House of Scientists. (n.d.) *Istoricheskaya spravka* [Background]. [Online] Available from: http://www.cdu-art.ru/dom_ist.shtml. (Accessed: 2nd April 2016).
4. Markov, V.I. & Trenin, B.P. (2000) *Iz istorii zemli Tomskoy: Narod i vlast'. 1925–1929* [From the history of the land of Tomsk: People and Power. 1925–1929]. Tomsk.
5. Krasnoe znamya. (1927) *Krasnoe znamya. Organ Tomskogo gorkoma VKP (b) i gorodskogo Soveta deputatov trudyashchikhsya* [Krasnoe znamya. The body of the Tomsk city committee of the CPSU (b) and the City Council of People's Deputies]. Tomsk. 1 January.
6. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 405. List 1. File 435. (In Russian).
7. *Krasnoe znamya*. (1927) 1 March.
8. *Krasnoe znamya*. (1929) 24 February.
9. *Krasnoe znamya*. (1929) 11 March.
10. *Krasnoe znamya*. (1929) 24 March.
11. *Krasnoe znamya*. (1929) 31 March.
12. *Krasnoe znamya*. (1929) 1 May.
13. *Krasnoe znamya*. (1928) 8 May.
14. *Krasnoe znamya*. (1929) 14 July.
15. *Krasnoe znamya*. (1927) 16 September.
16. *Krasnoe znamya*. (1929) 9 January.
17. *Krasnoe znamya*. (1931) 15 December.
18. *Krasnoe znamya*. (1933) 5 January.
19. Documentation Center of Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 1. File 936. (In Russian).
20. *Krasnoe znamya*. (1934) 3 October.
21. Documentation Center of Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 1. File 607. (In Russian).
22. *Krasnoe znamya*. (1933) 9 January.
23. *Krasnoe znamya*. (1935) 9 April.
24. Anokhina, I.N. (ed.) (1998) *Fiziki o fizike i fizikakh* [Physicists of physics and physicists]. Tomsk: Izd-vo NTL.
25. *Krasnoe znamya*. (1935) 12 January.
26. Documentation Center of Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 1. File 982. (In Russian).
27. *Krasnoe znamya*. (1935) 21 November.
28. *Krasnoe znamya*. (1935) 16 November.
29. *Krasnoe znamya*. (1936) 8 July.
30. *Krasnoe znamya*. (1937) 11 May.
31. *Krasnoe znamya*. (1937) 30 September.
32. *Krasnoe znamya*. (1937) 18 October.
33. *Krasnoe znamya*. (1938) 18 December.
34. *Krasnoe znamya*. (1939) 11 July.
35. *Krasnoe znamya*. (1940) 28 December.
36. *Krasnoe znamya*. (1939) 28 July.
37. *Krasnoe znamya*. (1940) 14 March.
38. *Krasnoe znamya*. (1940) 24 April.

Received: 13 April 2016